

БОЕВАЯ КОСА: НАГИНАТА ИЗ ЯПОНИИ ИЛИ ДАОЧЬОНГ ИЗ ВЬЕТНАМА?

Наш доклад посвящен одному предмету из оружейной коллекции Эрмитажа – инв. № В.О.-76. Это древковое оружие сегодня описано следующим образом: «Коса боевая – *нагината*. Япония. XVIII в. Поступила в 1834 г. Дар императрицы». Мы же берем на себя смелость утверждать, что если не весь предмет полностью, то его прибор и монтаж произведены во Вьетнаме в XVII столетии.

Сразу же появляются два резонных вопроса, на которые авторы хотели бы ответить, прежде чем переходить к рассмотрению собственно предмета из коллекции Эрмитажа:

1. В чем причина столь близкого сходства холодного оружия Вьетнама и Японии XVII столетия?

2. Почему так мало известно о вьетнамском оружии этого периода в коллекциях европейских музеев?

В XVI – первой трети XVII века Япония обладала обширными и разветвленными связями со всей Юго-Восточной Азией и успешно конкурировала за товары и влияние как с издавна присутствовавшими в этих краях китайцами, так и с уже начавшими проникать в регион европейцами, прежде всего португальцами и голландцами. Для нас важно, что одним из основных товаров японского экспорта было оружие, и именно оружие холодное, а отряды наемников – главной японской, назовем это так, экспортной услугой. Оружие пользовалось большой популярностью у знати и профессиональных воинов всего региона благодаря высокому качеству, причем покупателей привлекали не только боевые достоинства, но и эстетические: кроме собственно мечей и клинков, отдельно продавалось множество изящных японских гард *цуба*. Именно *цуба* в наибольшей степени повлияли на оружейные традиции Юго-Восточной Азии: на протяжении более 300 лет их точные или творчески переосмысленные копии украшали эфесы местных мечей, сабель и древкового оружия¹. Вьетнам уже в силу своего географического положения был более открыт для внешнего влияния, чем его соседи по Индокитайскому полуострову. Это в полной мере относилось и к традиционной оружейной культуре. В разное время она испытывала индонезийское, китайское, французское, японское влияние².

XVII век стал во Вьетнаме эпохой японского доминирования по целому ряду причин. Прежде всего, в оружии существовала потребность, превышавшая возможности собственного производства. Единственной альтернативой мог бы выступить Китай, исторически бывший для вьетнамцев одновременно и самым грозным противником, и образцом для подражания в военной сфере; но династия Мин стремительно катилась в пропасть, и все ее уже ограниченные на тот момент военные ресурсы были брошены на борьбу с маньчжурами. Следующим немаловажным моментом было определенное сходство в структуре общества Вьетнама и Японии. В обеих странах реальная власть оказалась в руках нескольких крупных воинских кланов, члены которых обладали высоким социальным статусом. В то же время в среде вьетнамского воинского сословия начала складываться культура, близкая самурайской, в основу которой легло в том числе учение буддийской школы *Тхиен* (яп. *Дзэн*). Существенное влияние оказала и значительная японская диаспора. Согласно японским документам, первое официальное разрешение на отплытие торгового судна во Вьетнам было выдано в 1592 году³. Однако вряд ли это было первое знакомство между странами: как раз к этому времени японские наемники в соседней Камбодже обосновались уже настолько, что вмешивались в возведение кандидатов на престол. Во Вьетнаме хватало собственных хорошо подготовленных воинов, поэтому на первом этапе в страну прибывали почти исключительно японские торговцы. Но обстоятельства менялись, и особенно сильно с японской стороны повлияли два события – битва при Сэкигахара в 1600 году и осада замка Осака в 1615-м. После первого часть представителей потерпевших поражение кланов стала покидать страну, а после второго эмиграция из южных княжеств стала массовой. Прибывший в 1618 году в город Хойан итальянский миссионер-иезуит Кристофоро Борри застал там уже большую и хорошо организованную японскую общину, состоявшую в значительной степени из христиан и получившую от местных властей право на самоуправление. Всего известно о трех таких общинах во Вьетнаме: в упомянутом Хойане, в Данананге (оба являлись владениями клана Нгуен) и у князей Чинь в Ханое⁴. Факт существования за рубежом больших, богатых и сравнительно самостоятельных японских сообществ очень беспокоил режим Токугава, стремящийся к тотальному контролю, и уже с 20-х годов XVII века им был принят ряд запретов, ограничивающих въезд и выезд подданных из страны и их участие во внешней

торговле. Торговли оружием ограничения коснулись в первую очередь, а в 1635 году запрет на его вывоз стал полным (и, отметим это особо, действовал до конца правления Токугава в середине XIX века). Какое-то время еще была возможна нелегальная торговля с использованием китайских, португальских и голландских судов, но и она быстро прекратилась. Те японцы, которые не захотели или не могли вернуться на родину (христиан, например, там ждала смертная казнь), были вынуждены глубже интегрироваться во вьетнамское общество. Фактически уже к 1690-м годам произошла ассимиляция. По мнению авторов, в 1630–1680-х годах во Вьетнаме работали японские мастера-оружейники, у которых со временем появились и вьетнамские ученики. В частности, на это указывает редкая и сложная техника инкрустации металлическими сплавами разных оттенков изделий из меди или бронзы. Она и сегодня известна мастерам из провинции Бакнинь, неподалеку от Ханоя, где исстари отливали колокола и пушки, изготавливали детали прибора холодного оружия.

К сожалению, сведения о японской диаспоре, оружейной торговле и оружейном производстве во Вьетнаме и в японских, и во вьетнамских источниках более чем скудны. Здесь будет к месту процитировать известного отечественного историка-вьетнамиста А. Л. Федорина: «В целом степень изученности разных периодов истории разных стран собственными историками, как это ни парадоксально, во многом зависит от их отношения к событиям, происходившим в эти периоды. Как правило, эпохи подъема, быстрого развития, героических свершений привлекают больше внимания, чем времена застоя, поражений и краха, особенно если они связаны с иностранным вмешательством или катастрофическими ошибками руководства страны. Это в равной степени касается практически всех стран, включая и Вьетнам, где, например, наименее разработанной является эпоха борьбы Севера и Юга (*Намбак фанчань*)»⁵. Этот период охватывает весь XVII век. Формально вся страна находилась под властью императоров из династии Ле, фактически же ее поделили могущественные военно-феодалные кланы Нгуен и Чинь во главе с *тьюа* – верховными военными правителями. Иногда *тьюа* сравнивают с японскими *сёгун*, и, с некоторыми оговорками, это уместное сравнение. Клан Чинь правил на севере Вьетнама (в европейских источниках за этой частью закрепилось название Тонкин, во вьетнамских – Дангнгоай), его столица располагалась в Тханглонге (современный Ханой). Владения рода Нгуен (Кохинхина,

реже Куинам в европейских источниках, Дангчонг во вьетнамских) находились в центре и частично на юге современной территории страны, столицей стал город Фусуан (современный Хюэ). В 1627 году между Нгуен и Чинь произошел первый вооруженный конфликт. В 1631 году разразилась тяжелейшая, изматывающая, поглотившая огромное количество сил и ресурсов война, которая продолжалась более 40 лет, до 1673 года. В XVII веке в армиях Вьетнама основой боевой мощи уже являлись артиллерия и ручное огнестрельное оружие. Здесь уместно отметить, что вьетнамские пушки и мушкеты по своей конструкции очень близки тем, что в это же время использовались в Японии. И это не удивительно – в обеих странах к их созданию приложили руку португальские специалисты в военной сфере, причем в некоторых случаях это даже были одни и те же люди из числа миссионеров. Но интенсивность боевых действий была такова, что возможностей собственного оружейного производства не хватало и обе стороны активно закупали за границей вооружение и военные материалы. В первую очередь, конечно, это относилось к пушкам крупных калибров, снарядам к ним и к компонентам артиллерийского пороха. Однако холодное оружие продолжало занимать важное место в арсенале. В 1644 году *тьюа* Чинь Чанг писал генерал-губернатору Антони ван Димену: «К 9-му числу третьего месяца я подготовил к походу армию, состоящую из 10 тысяч сильных и опытных солдат, умеющих владеть огнестрельным оружием, и 10 тысяч солдат с мечами, пиками и другим оружием, и приказал командующим этим войском попытаться снова подчинить нашей власти область Пу Чинь». В этом же письме имеется следующее важное для нас упоминание холодного оружия: «Я дал капитану два меча с золотой инкрустацией, чтобы он поднес их голландскому принцу в знак моего уважения. Я также подарил этому капитану меч с золотой инкрустацией, а младшему капитану – меч с серебряной инкрустацией». Здесь же Чинь Чанг сообщал: «Раньше японцы имели обыкновение приплывать сюда на своих джонках и снабжать меня всякими редкими товарами, такими как железо, сера, медь, мечи, и многим другим, а в уплату получали шелк. Теперь и Вы можете привозить нам эти и другие товары на тех же условиях»⁶. Из этого документа можно сделать выводы, что, во-первых, к 1644 году поставки мечей из Японии остались в прошлом, во-вторых, практика использования оружия в качестве подарков находилась в полном расцвете, и в-третьих, у вьетнамской стороны имелась определенная надежда, что голландцы возобновят поставки японских товаров.

Необходимо отметить, что мы не всегда с уверенностью можем говорить о том, какой именно вид оружия описан словом «меч»: и в Японии, и во Вьетнаме боевые косы рассматривались как мечи (а точнее, конечно же, сабли) на длинной рукояти. В иероглифических текстах чаще всего использовали два китайских знака 長刀, буквально означающих «длинная сабля», которые по-японски читаются «нагината», а по-вьетнамски, в зависимости от того, брался китайский или собственно вьетнамский порядок слов, – «чыонгдао» или «даочыонг»⁷. Эти же иероглифы могли означать и двуручную саблю.

Также отметим, что во всем регионе уровень престижа боевых кос был значительно выше, чем у *нагината* в Японии. Ими вооружалась в том числе элита армии – воины, сражавшиеся верхом на слонах, поэтому такое оружие очень легко представить в качестве представительских и дипломатических подарков наравне с мечами. Нам известно об одном таком превосходно сохранившемся подарке с безупречным провенансом – это стойка с оружием, принадлежавшая адмиралу Корнелису Тромпу, национальному герою Нидерландов⁸. Он получил ее в 1680 году из Батавии от своего друга детства Корнелиса Веманса, сотрудника Голландской Ост-Индской компании. Этот замечательный набор оружия включает в себя и три боевых косы, одна из которых⁹ по своей конструкции наиболее близка предмету из коллекции Эрмитажа. Можно обоснованно предположить, что практика подобных подарков появилась задолго до 1680 года: кроме письма Чинь Чанга ван Димену, сохранились два полотна кисти известного голландского живописца Фердинанда Боля – «Гай Фабриций Лусцин в лагере царя Пирра» (1656) и «Мирные переговоры между Клавдием Цивилом и Квинтом Петилием Цереалом на разрушенном мосту» (1658–1662). На первом из них воин в левом нижнем углу вооружен боевой косой, очень похожей на предмет из коллекции Тромпа. Можно было бы усомниться в ее вьетнамском происхождении, но на второй картине в том же левом нижнем углу изображен лук очень характерной формы и колчан со стрелами – именно такие входят в адмиральский подарок.

Теперь рассмотрим боевую косу из коллекции Эрмитажа. На вьетнамское происхождение деталей прибора и монтаж указывает ряд особенностей, совершенно не типичных для японского холодного оружия, но достаточно хорошо известных по вьетнамским образцам, в том числе более поздним. Первым и наиболее характерным элементом является втулка *футу* в виде удлинненной полусферы. Детали подобной

формы, абсолютно не известные в Японии, встречаются повсеместно на холодном оружии материковой части Юго-Восточной Азии, как клинковым, так и древковым. Вторая особенность, на которую необходимо обратить внимание, – это круглое сечение древка. Японские виды оружия *нагината* и *нагамаки* имели древки исключительно овального сечения, круглым же оно было у всех типов копий *яри*. Это различие подчеркивалось и основной формой подтока – сигарообразной копеечной и в виде полукруглой лопаточки у боевых кос. Оружие из Эрмитажа (как и все другие известные авторам аналогичные музейные предметы) имеет подток копеечного типа. Необходимо подчеркнуть важную деталь: в Индокитае круглое сечение имели не только древки, но и рукояти клинкового оружия. Известный специалист по историческому оружию Вьетнама и Китая Скотт Роделл выделяет эту особенность как типологизирующий признак¹⁰. Именно такой рукоятью обладает замечательная вьетнамская сабля XVII века из Оружейной палаты (инв. № Ор-4503/1-2). Сходство в деталях прибора и монтаже древкового и клинкового оружия весьма типично для Вьетнама и для Индокитая в целом; как мы уже указывали выше, сабли и боевые косы там относили к одному типу оружия. Вопрос с происхождением клинка, по нашему мнению, остается открытым: демонтаж музейного предмета недопустим без крайней необходимости, а специалистам по оружию Японии для проведения ответственной экспертизы требуется осмотр хвостовика. По мнению Филиппа Тома, известного реставратора и специалиста по историческому оружию Китая и Вьетнама, в прошлом сотрудника музея Метрополитен, высказанного им в частной беседе, хвостовики клинков боевых кос Японии и Индокитая отличаются размерами. Японский способ монтажа чисто механический, основан на точной подгонке к древку и фиксации штифтами, индокитайский осуществляется с дополнительным использованием природной смолы, полимеризирующейся со временем и придающей необходимую прочность соединения при меньшей площади контакта.

На сегодня авторам известно только пять боевых кос *даочьюн* XVII века: одна в Эрмитаже, три в Рейксмузеуме и еще одна в британском Королевском Арсенале – при том, что количество *нагината* исчисляется десятками по самому скромному подсчету. По нашему скромному мнению, это великолепное оружие заслуживает несколько большего внимания специалистов и любителей оружия Востока.

¹ Барчевский С. В. К вопросу о японском влиянии на холодное оружие Индокитая // Война и оружие : Новые исследования и материалы : труды Седьмой междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. СПб., 2016. С. 121, 122.

² Rodell S. M. Vietnamese Sword // The Asian Art Newspaper. 1999. May, Vol. 2, Issue 7.

³ Hoang Anh Tuan. Silk for silver : Dutch-Vietnamese relations, 1637–1700. Leiden ; Boston, 2007. P. 49.

⁴ Ribeiro M. The Japanese Diaspora in the Seventeenth Century : According to Jesuit Sources // Bulletin of Portuguese – Japanese Studies. 2001. December, núm. 3. P. 53–83.

⁵ Федорин А. Л. Некоторые вопросы вьетнамо-китайских отношений в первой четверти XV в. : По данным вьетнамских и китайских источников // Вьетнамские исследования. 2014. Вып. 4. С. 250.

⁶ Берзин Э. О. Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII – начале XVIII века. М., 1987. С. 316.

⁷ Ветюков В. А. Древковое оружие Вьетнама в эпоху Ле (1428–1789) // Война и оружие : Новые исследования и материалы : Труды Восьмой науч.-практ. конф. Ч. 1. СПб., 2017. С. 162–164.

⁸ URL: <http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.355194> (дата обращения: 19.01.2018).

⁹ URL: <http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.360333> (дата обращения: 19.01.2018).

¹⁰ Rodell S. M. Op. cit.

Редактор *А. В. Спиридонова*
Верстка: *А. В. Стадник*

Подписано в печать 23.01.2018
Заказ 3. Тираж 100 экз.

Отпечатано в Государственном Эрмитаже
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34